

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ОППОЗИЦИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» (НА МАТЕРИАЛАХ ЛИПЕЦКОГО ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЖУРНАЛА «ПЕТРОВСКИЙ МОСТ»)

Е. А. Попова, Ю. А. Рамазанова

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П. П. Семенова-Тян-Шанского*

Поступила в редакцию 2 июня 2023 г.

Аннотация: данная статья посвящена изучению медиатекстов липецких публицистов, раскрывающих проблемы современности, в том числе тему военно-политических конфликтов. Акцент в исследовании делается на важности оппозиции «свой — чужой», выступающей как средство репрезентации семантической категории чуждости, при описании того или иного явления действительности. Данная оппозиция рассмотрена в статье как форма, имеющая различное содержание, воплощенное с помощью тропов, стилистических фигур и других языковых средств.

Ключевые слова: публицистика, медиатекст, «свой — чужой», оппозиция, конфликт, метафора, эпитет, парцелляция.

Abstract: this article is devoted to the study of media texts of Lipetsk publicists, revealing the modern problems, including the topic of military-political conflicts. The emphasis in the study is on the importance of the opposition “own – alien”, acting as a means of representing the semantic category of alienation, when describing a particular phenomenon of reality. This opposition is considered in the article as a form that has a different content, embodied with the help of tropes, stylistic figures and other linguistic means.

Keywords: journalism, media text, “own”, “alien”, opposition, conflict, metaphor, epithet, parcelling.

Публицистика как особый вид литературы на протяжении столетий сохраняет свои основные черты. Однако время вносит серьезные коррективы в характер функционирования публицистических произведений и в их язык. Как отмечает Г. Я. Солганик, «нестабильность сегодняшней социальной ситуации оказывает немаловажное влияние на публицистику, на ее речевой облик, стилевые устремления, язык, который, как известно, создается по мерке человека и откликается на потребности общества, словесно выражая новые идеи, мысли, знания, а значит, используя специальную лексику, отражает религиозно-мифологическую, философскую, научную, художественную и публицистическую картины мира» [1, 14].

В современную эпоху «информационных войн» и непрекращающихся конфликтов различного характера и различной интенсивности роль СМИ как никогда велика. Концептуальное пространство медиатекстов, связанное с ценностными представлениями о действительности, разнообразно.

Ключевыми в этом пространстве можно считать представления, связанные с оппозицией «свой — чужой». В лингвистике она интерпретируется как семантическая или когнитивная категория. В частности, Р. Н. Порядина определяет когнитивную сущность данной категории через ее связь «с доминантой

оппозиционирования “себя” и “другого”, с градацией пространства между “собой” и “другим” по степени проявления признака “свой / чужой”, комплексом характеристик, отношений и преобразований внутри этого пространства» [2, 44]. Истоки такой интерпретации отношений «свое — чужое» восходят к работам А. Б. Пеньковского. Именно он впервые выдвинул и обосновал теорию о существовании семантической категории чуждости, основанной на данной оппозиции и сопряженной с категорией отрицательной и положительной оценки [3]. Пеньковским была описана также важная черта данной категории — существование определенных различий в языковой экспликации «своего» и «чужого». «Свой мир» всегда наделяется уникальными и индивидуальными характеристиками, при его описании превалирует конкретика. «Чужой мир» представлен в языке более «плоско», он не структурирован и не наделен специфическими характеристиками [4, 9].

В данной статье при анализе вербализаторов категории чуждости акцент в первую очередь делается на выявлении спектра тем и фрагментов дискурсивной картины мира, которые могут быть описаны при помощи данной оппозиции.

Так, оппозиция «свой — чужой» является лейтмотивом в статье Анатолия Березнева «Порох держать сухим!». В заглавии, представляющем собой фразеологизм с измененным порядком слов, который упо-

требуется в значении «быть всегда готовым к защите, обороне» [5, 305], обозначена основная идея материала: Россия противопоставлена враждебно настроенным Евросоюзу и США, а значит, никогда не должна терять бдительности. Следовательно, фразеологизмы, в семантике которых имеется противопоставление «своего» и «чужого», могут быть одним из средств выражения семантической категории чуждости.

В центре внимания автора статьи — события на Украине 2014 г. Эта тема реализуется уже в первом предложении: «...как могли украинцы, внесшие огромный вклад в разгром гитлеровцев, допустить к власти фашистов?» [6, 170]. Читатель не знает ответа на этот вопрос, более того, по замыслу автора статьи, и не должен знать, так как данный вопрос является риторическим. Авторская стратегия в отношении адресата заключается в том, чтобы заинтересовать его в поднятой проблеме, приобщить к размышлениям на заданную тему. Уже следующее предложение трансформирует обозначенные риторические вопросы в компонент риторической фигуры «вопросно-ответная форма», поскольку в нем звучит четкий ответ: автор статьи называет вполне конкретное число необандеровцев и «умеренных» националистов, пришедших к власти в Киеве, соотносит события Великой Отечественной войны, в том числе антисоветские действия Гитлера, с беспределом, который украинская верхушка творит в стране в XXI в. Журналист задает вопрос, на который потом сам отвечает: «...почему **братский русский народ** стал <...> для многих оболваненных послушными СМИ украинцев **врагом**?» [6, 170]. Здесь оппозиция «свой — чужой» представлена такой стилистической фигурой, как антитеза.

Основа публицистического произведения — факт. Многие из них столь многозначительны, что напоминают верхушку айсберга. К их числу относится в анализируемой статье, в частности, тот, который свидетельствует о полной поддержке всех действий Украины Соединенными Штатами Америки. За фразой о том, что «в Киеве и других центрах страны находятся сотни американских “советников”» [6, 170], угадывается сложный комплекс политических и экономических отношений. В расстановке сил, описанной в статье, США представлены в определенно негативном ключе. Образ «чужого» здесь создается с помощью лексем, наделенных, бесспорно, отрицательной коннотацией: *завоеватели, противники, политики заокеанской сверхдержавы*. И даже выражения, обладающие изначально положительной оценочностью («самая демократичная», «самая гуманная», «добрососедская помощь»), взяты в кавычки, что в данном контексте выступает как знак несогласия с его семантическим наполнением, знак «чужого» слова. Сущность отношений между Россией и Америкой составляет попеременная смена фаз вражды

и сотрудничества с разной степенью интенсивности. Сегоднешние политические конфликты делают оппозицию «свой — чужой» еще более многозначной и еще более привязанной к определенному хронологу: «свой» здесь и сегодня может оказаться «чужим» завтра и не только в другом месте, но и здесь.

Современные публицисты в стремлении привлечь внимание читателей к той или иной рассматриваемой проблеме и наглядно изложить свою концепцию активно применяют различные средства художественной выразительности, а чаще всего метафору. Она не только используется в художественной литературе для создания образов персонажей и описаний пейзажа, но и выступает в публицистике как средство эмоционально-эстетического воздействия на читателей, служит способом их убеждения в авторской точке зрения. Такая метафора представляет собой употребление слов, переосмысленных на базе образно-ассоциативного подобия, которое возникает в результате субъективного восприятия, впечатления, ощущения.

Метафорическое видение оппозиции «свой — чужой» представлено, в частности, в статье Анатолия Березнева «Великая Отечественная: история и истерия». Обращаясь к толкованию значения лексемы *истерия*, мы понимаем, что автор использует ее в переносном значении («перен. неодобр. Лихорадочный всплеск какой-н. предосудительной деятельности (обычно в масштабах государства» [7, 286]), сравнивая ситуацию, описываемую в дальнейшем повествовании, с психическим недугом. Как отмечает А. П. Чудинов, метафора, используемая в заглавии текста, находится в условиях максимального «текстового напряжения», в сильной позиции текста, то есть такая метафора привлекает максимальное внимание читателей [8, 132]. Кроме того, уже в самом названии, прибегая к приему метаграммы, публицист создает некое противопоставление участников «*непрекращающейся информационной, идеологической войны*» [9, 164], на котором будет построено все повествование. В роли «своих» здесь выступают «*уважаемые писатели*», «*российские исследователи*», «*объективные историки*», которые, изучая тему войны и транслируя полученные выводы широкому кругу читателей, опираются на достоверные факты, свидетельствующие о том, что «*именно СССР преградил путь агрессору, похоронил планы закабаления фашистской Германией всего мира*» [9, 170]. Для тех же, кто относится к противоположному лагерю «чужих», автор находит немало больше определений: «*доморощенные писаки*», «*борзописцы*», «*новоявленные исследователи*», «*безответственные политики*», «*несведущие, нечистоплотные, безграмотные люди*», «*горе-исследователи*», «*писаки от истории*», «*псевдоисторики*», «*фальсификаторы*». Противопоставление «своих» «чужим» усиливается эпитетом «*ангажированные*» (*историки*), имеющим в современном

публицистическом дискурсе отчетливо выраженную негативную оценочность. См. толкование значения этого слова: «**Ангажированный**. Публ. Прич. к ангажировать. <...> **Ангажировать**. Публ. Склонить / склонять к услугам, необъективному отражению действительности, предоставляя какие-л. выгоды, преимущества и т.п.» [10, 20–21]. Именно «ангажированные историки, по мнению автора, «навязывают мировому общественному мнению исправленную и как будто единственно верную точку зрения, в соответствии с которой именно союзники разгромили врага и на суше, и на море» [9, 164].

Конфликт между названными сторонами определяется как противостояние России и всего мира. А приведенные в пример слова и выражения могут быть названы контекстуальными антонимами — противоречия между обозначенными группами людей практически непреодолимы, ибо каждая сторона глубоко уверена в своей правоте. Одни («свои») более грамотны, объективны, гуманны, правдивы. Другие («чужие») — непрофессиональны, агрессивны, лживы, враждебно настроены по отношению к своим оппонентам. В статье наблюдается положительное оценивание «своей» и отрицательное «чужой» системы ценностей, убеждение в правильности «своих» взглядов и ошибочности «других». Здесь эмоциональный, психологический посыл оппозиции «свой — чужой» настолько силен, что заставляет читателя задуматься о своей безопасности и, несмотря на внутренние конфликты, сплотиться перед лицом «чужих».

Идея исторической несправедливости, звучащая в анализируемом материале, находит оригинальное воплощение в языковой форме. В конце статьи автор использует прием парцелляции, разбивая финальное предложение на несколько интонационно-смысловых единиц: «*Выиграть войну в такой ситуации было нереально. Просто невозможно. А мы смогли. Выиграли. И по праву стали победителями*» [9, 173]. Такое намеренное деление фразы на несколько пунктуационно самостоятельных частей позволяет выделить в сообщении дополнительные смысловые центры и привлечь к ним внимание читателя. За счет этого приема автору удается поставить своеобразную точку в споре «своих» и «чужих» на тему Второй мировой войны и ее результатов. Таким образом, вывод здесь становится вполне очевидным.

Многоаспектно воплощение оппозиции «свой — чужой» в аналитических статьях журнала «Петровский мост», посвященных глобальным конфликтным ситуациям, в частности таким, как недавний миграционный кризис в Европе. Одна из статей журнала, написанная Юрием Баклановым, носит название «Похищение Европы». Оно, с точки зрения лингвистики, может трактоваться двояко: во-первых, как троп, а именно аллюзия, во-вторых, как прецедентный феномен. С одной стороны, это отсылка к труду немецкого историка и философа Освальда Шпенглера

«Закат Европы», в котором мыслитель сделал вывод о том, что восьмая, по его градации, так называемая фаустовская, культура является закатом западной цивилизации [11].

О возникновении соответствующей аналогии автор статьи скажет и в конце своего повествования: «*Когда я писал эти заметки, в Москве проходила выставка произведений Валентина Серова. Посмотреть ее прилетели любители прекрасного даже с Дальнего Востока... Но одну из самых известных работ выдающегося русского художника — “Похищение Европы”, они так и не увидели. А я подумал: может, похищение Европы уже началось?»* [12, 178].

Ответа на этот вопрос в статье мы так и не найдем. Да это, по-видимому, и не является самоцелью автора. Он, скорее всего, просто делится своими размышлениями на заданную тему, ссылается при этом на мнение зарубежных экспертов, как бы не желая вставать на ту или иную сторону, говорит смело, открыто и даже местами в явно ироничной форме: «*Меркель сломала хребет единой Европе*»; «*многообещающую фразу она повторяла, как мантру*»; «*невольный эксперимент в социальной инженерии Европы*»; «*мигранты не просто стучатся в дверь, они срывают ее с петель*»; «*великое переселение народов*»; «*миграционный кризис <...> уже окрестили “южным потоком” по аналогии с несостоявшимся газпромовским проектом*»; «*“эсэмэски” с приглашением приезжать в Германию*»; «*открыли шлюз для мощного “южного потока”*». Как было точно отмечено К. М. Шилихиной, «в политическом дискурсе <...> ирония становится не только способом обозначения “своих” и “чужих”, но и способом демонстрации превосходства говорящего над объектом иронии» [13, 39].

Да здесь по сути и нет «своих». Ни одна из позиций не приемлема для автора. Стремясь подчеркнуть глубину и размах конфликта, журналист использует отлагольное существительное «похищение» как гиперболу, поскольку в действительности никто никого не похищал, напротив, мигранты сами вторглись на чужую территорию. Негатива в связи с этой ситуацией добавляют и такие глаголы, как «*захватывают*», «*насаждают*», «*срывают*», «*угрожают*».

Слово «кризис» становится на протяжении всего текста статьи ключевым; стремясь точно охарактеризовать ситуацию, журналист употребляет выражение «полный крах». Автор статьи трактует происходящее как «*неизбежную гибель Старого Света в его нынешнем виде*» [12, 178].

Опираясь на все вышесказанное, можно сделать вывод о том, что в связи с активизацией в мире разнонаправленных процессов объединения и разъединения лингвокультурная категория «свой — чужой» приобретает особую актуальность. Журнал «Петровский мост», оперативно откликающийся на самые острые проблемы современности, воплощает данную оппозицию на разных языковых уровнях. Наполнение

оппозиции представлено широким спектром понятий из сферы политики, истории, культуры, философии, которые со временем претерпевают трансформацию. Публикации журнала демонстрируют отточенное мастерство журналистов, создающих с помощью тропов (метафора, эпитет, ирония, аллюзия), стилистических фигур (риторический вопрос, парцелляция, антитеза), фразеологизмов образы, во многом формирующие взгляды читателей и определяющие их понимание оппозиции «свой — чужой».

ЛИТЕРАТУРА

1. Солганик Г. Я. Современная публицистическая картина мира / Г. Я. Солганик // Публицистика и информация в современном обществе. — М.: Академический проект, 2000. — С. 14–24.
2. Порядина Р. Н. «Лики» чужого в народной культуре / Р. Н. Порядина // Вестник Томского государственного университета. — 2007. — № 295. — С. 44–50.
3. Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке / А. Б. Пеньковский // Проблемы структурной лингвистики 1985–1987. — М.: Наука, 1989. — С. 54–84.
4. Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике / А. Б. Пеньковский. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 464 с.

Липецкий государственный педагогический университет имени П. П. Семенова-Тянь-Шанского

*Попова Е. А., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и литературы,
E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru*

Рамазанова Ю. А., аспирант кафедры русского языка и литературы,

E-mail: yuliya.ramazanova.lip@mail.ru

5. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. Т. 3. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. — 752 с.

6. Березнев А. Порох держать сухим! / А. Березнев // Петровский мост. — 2014. — № 4. — С. 170–173.

7. Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. — М.: Рус. яз., 1998. — 848 с.

8. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А. П. Чудинов. — Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2005. — 257 с.

9. Березнев А. Великая Отечественная: история и истерия / А. Березнев // Петровский мост. — 2010. — № 2. — С. 163–173.

10. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г. Н. Скляревской. — М.: Астрель: АСТ, 2001. — 944 с.

11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 томах / О. Шпенглер. — Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. — 1376 с.

12. Бакланов Ю. Похищение Европы / Ю. Бакланов // Петровский мост. — 2016. — № 2. — С. 166–178.

13. Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... докт. филол. наук / К. М. Шилихина. — Воронеж, 2014. — 50 с.

Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky

*Popova E. A., Doctor of Philology, Professor, the Head of the Russian Language and Literature Department,
E-mail: rusyaz_lipetsk@mail.ru*

Ramazanova Yu. A., post-graduate student of the Russian Language and Literature Department

E-mail: yuliya.ramazanova.lip@mail.ru